

этому склону, и склон всемогуществом бога стал кривым. Истина только богу ведома»⁷³.

Под «белафзе торки», по всей вероятности, скрывается имя нашего исполителя Турк'а — Торк'а. Его имя у мусульман вызвало такую ассоциацию. В пользу того, что под ним скрывается герой Турк' — Торк', говорит, во-первых, то обстоятельство, что здесь «белафзе торки» в том смысле, как его понял Шереф эд-дин, никак не совместимо и непонятно. Кроме того, эта легенда имела распространение именно в Агиле. И в-третьих, выражение «сделал знак... этому склону, и склон... стал кривым» соответствует словам Мовсеса Хоренаци: Турк' «возьметса, бывало, руками за гранитные без трещины скалы и отломит от них, по желанию, большие или малые куски; приметса сглаживать их ногтями и образует из них плиты...»

Эти песни и легенды об исполине Ангеля, несомненно, не могли исчезнуть без следа. Месопотамия, Четвертая Армения, Малая Армения и прилегающие к ней территории Великой Армении — густо населенные армянами территории, районы, где была широко представлена начиная с VII в. ересь армянских павликиан, в среде которых бытовали разные песни (в том числе, вероятно, и песни об исполине Ангеля), впоследствии породившие знаменитый эпос о Дигенисе Акрите⁷⁴. Песни об Ангеля вошли и нашли свое должное место в эпосе о Дигенисе, действие которого происходит именно в тех районах, где и существовали песни о богатыре Ангеля, ибо герой Ангилы византийской эпопеи, сила которого несколько раз подчеркивается — *ἀνδρειωμένος, μᾶλλον ἀνδρειωμένος, ἄγαν ἀνδρειωμένος, θαυμάσιος, λέων, γίγας*, которого τὸ θάρρος τὸ πολὺ τῆς συνηθείας τούτου, по нашему предположению, — не кто иной, как армянский исполнитель Ангеля, о баснословной силе которого писал Мовсес Хоренаци⁷⁵.

Ответить на вопрос, почему Ангеля стал звучать Ангила — Ἀγκύλας и писался во всех версиях с υ, нетрудно. Просто слово осмыслено на греческий лад, от слова ἀγκύλη = тетива, дротик, копьё.

Ангеля происхождением связан с Ангеленой, Ангила, как мы отметили выше, с провинцией или фемой Месопотамия, в которую входила территория Ангелены.

Нам кажется, что значение проделанного нами исследования отнюдь не в том, что удалось идентифицировать одну личность из византийской эпопеи. Нет! Значение в другом, а именно в том, что становится еще более ясной та историческая почва, на которой был создан византийский эпос, еще раз подтверждается и получает новые аргументы гипотеза Н. Адонца о том, что Западная Армения, армянское население Западной Армении сыграли главную роль в его создании. Несомненно, это население в IX — XI вв. уже было грецизировано, говорило оно, по всей вероятности, по-гречески (ибо трудно допустить, что более чем тысячелетнее господство Рима и Византии не оставило бы никакого следа на нем), но население это не забыло свою историю, не забыло своих легенд и сказаний, свои народные песни и, передавая их от поколения к поколению, сохранило их

⁷³ Chéref-Nameh ou Histoire des Kourdes par Chéref, Prince de Bidlis, publiée par Veliaminof—Zernof. St.-Pétérshbourg, 1860, t. I, p. 177.

⁷⁴ О том, что византийский эпос был создан в среде еретиков-павликиан, см. N. A d o n t z. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas. — BZ, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, p. 198—227; H. G r é g o i r e. 'Ο Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιΐα στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση. New York, 1942.

⁷⁵ Впрочем, как видно из Гротта-Ферратской версии эпоса о Дигенисе Акрите, цикл песен о героях-апелатах — Филопапе, Киннаме и Иоаннакисе, имена которых коммагенского парфяно-армянского происхождения, предшествовал песням о Дигенисе и был в значительной мере вытеснен ими. См. «Дигенис Акрит», перевод А. Я. Сыркина. М., 1960, прим. к книге IV, 33, стр. 193.